

РОССИЯ
В ПЕРЕЛОМНЫЙ
МОМЕНТ
ИСТОРИИ

Пол
Эврич

1905 – 1917

РУССКИЕ АНАРХИСТЫ

Пол Эврич

Русские анархисты. 1905-1917

«Центрполиграф»

Эврич П.

Русские анархисты. 1905-1917 / П. Эврич — «Центрполиграф»,

В книге рассказывается о том, как в начале XX века промышленная революция и социальный хаос вызвали к жизни вооруженное движение анархистов. Традиции русских анархистов представляли собой смесь западных и доморощенных элементов. Пропущенные через призму учений Бакунина, Кропоткина и наивного популизма, они бурно развивались в ходе революций 1905 и 1917 годов. Анархизм в России активизировался и шел на спад вместе с развитием революционного движения в целом. В водовороте восстаний, террористических актов и Гражданской войны анархисты пытались реализовать свою программу, но потерпели поражение, вытесненные с политической арены большевиками.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пол Эврич

Русские анархисты

1905 – 1917

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ВСТУПЛЕНИЕ

Хотя появление идеи о бесклассовом обществе можно проследить вплоть до античности, анархизм как организованное движение социального протеста – феномен сравнительно недавнего времени. Появившись в Европе в XIX – начале XX столетия, он, подобно либерализму и социализму, на первых порах явился ответом на ускоряющиеся темпы политической и экономической централизации, что стало результатом промышленной революции. Анархисты разделяют с либералами общую враждебность к центральному правительству и, так же как и социалисты, испытывают глубокую ненависть к капиталистической системе. Они не выступают в защиту «реформизма, парламентаризма и занудного доктринерства» своих соперников; их «жажду абсолюта» может удовлетворить только полное избавление от «буржуазной цивилизации» с ее все возрастающей регламентацией и черствым равнодушием к человеческим страданиям. Сконцентрировав свои атаки на государстве и на капитализме, как главных институтах господства и эксплуатации, анархисты призывают к социальной революции, которая уничтожит все, и политические и экономические, власти и приведет к созданию децентрализованного общества, основанного на добровольном сотрудничестве свободных личностей.

На рубеже столетий в России, так же как несколькими десятилетиями ранее в Западной Европе, промышленная революция и социальный хаос вызвали к жизни то, что называется вооруженным движением анархистов. В этом не было ничего удивительного, ибо русские анархисты обсуждали большую часть тех же вопросов, которые занимали и их товарищей на Западе, – главным образом, отношения между анархистским движением и едва только возникшим рабочим классом, а также место терроризма в грядущей революции. Тем не менее традиции у многих русских анархистов, пусть даже они считали, что унаследовали их из Западной Европы, имели глубокие корни в национальном радикализме, истоки которого берут начало со времен крестьянских революций Стеньки Разина и Емельяна Пугачева, и едва ли не достигли апогея в ходе революций 1905 и 1917 годов. Социальные убеждения русских анархистов сами по себе представляли любопытную смесь западных и доморощенных элементов. Получив начало на Западе из уст Годвина, Штирнера и Прудона, они были последовательно пропущены через призму учений Бакунина, Кропоткина и наивного популизма, что в совокупности придало им отчетливую русскую окраску. Кроме того, характер русского анархизма определялся давящей политической средой, в которой он и появился на свет. Царь Николай II, подавлявший все старания просвещенной части российского общества реформировать самовластие и избежать экономического и социального развала, вынуждал своих оппонентов искать выход в безумии терроризма и насилия.

Анархизм в России и расцветал и шел на спад вместе с развитием революционного движения в целом. Когда разразился мятеж 1905 года, анархисты восторженно приветствовали его, как стихийное восстание масс, еще в прошлом поколении предсказанное Бакуниным, и они кинулись в эту свалку с бомбами и пистолетами в руках. После 1905 года революция была подавлена, и движение погрузилось в спячку вплоть до Первой мировой войны, когда пришла пора нового подъема. Затем в 1917 году внезапное падение монархии и последовавший крах всей политической и экономической власти в России убедил анархистов, что в самом деле пришел их час и теперь их задача – смести остатки государства, чтобы передать простым людям землю и заводы.

С давних пор те, кто рассматривал историю глазами победителей, игнорировали анархистов. Ведь единственным мерилom весомости движения является его политический успех; убеждение, что историков может интересовать лишь триумф, приводит к пренебрежению многими ценными и интересными явлениями в прошлом и к сужению нашей точки зрения на мир. А оценивая подлинный размах и сложность революции 1917 года, а также события на ее пике,

нельзя не принимать во внимание роль, которую сыграли анархисты. В водовороте восстаний и Гражданской войны анархисты попытались ввести и реализовать свою программу «прямых действий» – рабочий контроль на производстве, создание свободных сельских и городских коммун, партизанская война против врагов либертарианского общества. Они действовали как жгучие оводы всеобщего восстания, не признавая никаких компромиссов в деле уничтожения правительственной и частной собственности, отказываясь признавать что-либо, кроме золотого века полной свободы и равенства.

Тем не менее в конечном итоге на развалинах старого деспотизма вырастает новый, который подавляет анархистское движение. Немногие выжившие, хотя и пребывая в меланхолии поражения, тем не менее оставались верны убеждению, что рано или поздно их представление о бесклассовой утопии восторжествует. «Большевизм – это прошлое, – мог писать Александр Беркман в 1925 году, когда его русские товарищи сидели по тюрьмам или находились в изгнании. – Будущее принадлежит человеку и его свободе».

Часть первая 1905-й

Глава 1 БУРЕВЕСТНИК

Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку.

А.П. Чехов. Три сестры

XX столетие Российская империя встретила ожиданием катаклизмов войн и революций, грозящих оставить от старого порядка лишь развалины. Противники монархии давно предсказывали разрушительную бурю. За десятилетие до того, как Николай II отрекся от трона, Михаил Бакунин чувствовал, что атмосфера в России тяжелеет предвестием шторма ужасающей силы, а Александру Герцену далеко не один раз казалось, что он слышит стоны и грохот грядущих погромов. Реформы Александра II очистили было атмосферу, но после покушения на императора в 1881 году над страной вновь сгустились темные облака реакции. На рубеже столетий мало кто мог отделаться от убеждения, что старый режим на пороге сокрушительного краха. Казалось, вся атмосфера полна предзнаменований и предчувствий. В поэме, которая была у всех на устах, Максим Горький предсказывал, что в небе появится буревестник, «черной молнии подобный», предвещающий неизбежную бурю, которая скоро разразится над Русской землей. Буревестник стал символом для русских людей, выходцев из самых разных слоев: для одних – символом грядущих бедствий, для других – долгожданного спасения.

Но Николай II категорически отказывался слышать сигналы опасности. Он оставался непоколебимым в своей решимости сохранить самодержавие – как вел себя и его отец. Под влиянием своего реакционного советника Константина Победоносцева, прокурора Священного синода, царь подавлял любые конституционные намерения просвещенной части общества. Отвергая как «бессмысленные мечты» отчаянные прошения просвещенной элиты о предоставлении им побольше политической свободы, он возлагал надежды на громоздкий бюрократический аппарат, на большую, но плохо экипированную армию и на достойную осмеяния сеть тайной полиции.

Самая большая угроза этому режиму исходила со стороны крестьянства. Катастрофический голод 1891 года разбудил российское общество и заставил его обратить внимание на то убожество, в котором живет село. Даже после освобождения в деревнях продолжали господствовать перенаселенность и застой. По мере того как число крестьян продолжало расти (одно поколение составляло от 50 до 80 миллионов), средний размер их семейных наделов, которых и без того не хватало на всех членов семьи, неуклонно уменьшался, так что большинство крестьян не могло существовать иначе, чем подрабатывая батраками в сельском хозяйстве или чернорабочими на производстве. Крестьяне отчаянно хотели получить побольше земли и сбросить с плеч давящее бремя налогов и платы за освобождение. Они оставались парализованы ограничениями, налагаемыми общиной, и много лет после того, как царь объявил их свободными людьми. В большинстве мест широко раскиданные полоски плодородной земли перераспределялись каждые два-три года, а устаревшие, но привычные методы обработки почвы не уступали пути современным сельскохозяйственным технологиям. Крестьяне продолжали владеть примитивное существование в однокомнатных деревянных избах с глинобитным полом.

Случалось, они делили помещение со своими свиньями и козами, питаясь хлебом, капустной похлебкой и водкой.

Черноземные провинции Центральной России, в свое время цитадель крепостничества, мало изменились и после великого освобождения в феврале 1861 года. В этом перенаселенном районе с убогими наделами земли обнищавшее крестьянство спасалось от голода лишь тем, что издавна занималось кустарным промыслом у себя на дому – выдывало гвозди, ткало мешковину, точило ножи и т. д. Тем не менее ближе к концу столетия спрос на кустарную продукцию резко пошел на спад, не выдержав конкуренции с современными производствами в промышленных городах к северу и западу. Крестьяне, погруженные в бездну отчаяния, могли лишь мрачно взирать на своих бывших хозяев, чьи земли они жаждали заполучить куда больше, чем прежде. В 1901 году некоему помещику из Воронежской губернии привиделось, что его поместье затягивает кровавый туман, и он отметил, что дышать и жить становится все труднее, «как перед бурей». Осенью того же года центральные и южные сельскохозяйственные районы постиг страшный неурожай. Следующей весной крестьяне Полтавской и Харьковской губерний вооружились примитивным оружием времен Стеньки Разина и Емельяна Пугачева – топорами, вилами и факелами – и стали захватывать запасы зерна всюду, где только могли их найти, разорять помещичьи усадьбы в своем районе – пока не явились для наведения порядка правительственные войска.

Ужасные условия жизни крестьянства соответствовали и условиям бытия растущего рабочего класса. Еще вчера крепостные, рабочие теряли корневую связь с родными деревнями, обитая в убогих рабочих слободках больших городов. Они находились во власти грубых надсмотрщиков и черствых директоров фабрик, и их жалкое жалованье обычно становилось еще меньше за счет штрафов, налагаемых за нарушение правил. Не имея никаких законных возможностей отстоять свои права, рабочие лишь с большим трудом привыкали к этому новому образу жизни.

И более того, заводские рабочие страдали кризисом идентичности. Их разрывало между двух направлений: одно тянуло обратно, к привычной деревне, а другое – в странный новый мир, которого они не понимали. В самом начале нового века подавляющее большинство заводских рабочих – особенно на текстильных предприятиях Северной и Центральной России – юридически продолжали считаться крестьянами. Как таковые, они имели в своем хотя бы номинальном владении небольшой участок земли и были вынуждены подчиняться определенным правилам общины, например испрашивать разрешение для работы на фабрике. Такие рабочие-крестьяне часто оставляли в деревнях своих жен и детей, возвращаясь домой только на период уборки или из-за болезни, а также в пожилом возрасте. Их крестьянский образ мышления давал о себе знать спорадическими вспышками возмущения против тяжелых условий труда, но эти выступления больше смахивали на крестьянские бунты прошлого времени, чем на организованный протест зрелого пролетариата.

В то же время рабочие теряли свои связи с селом. Концентрация рабочей силы на российских предприятиях помогала работникам обретать чувство коллективизма, которое все больше и больше замещало прежнюю преданность деревне. Начали излечиваться и исчезать странные формы социальной шизофрении. Рабочий люд рвал со старыми традициями и верованиями и все отчетливее осознавал себя особой социальной группой, отличающейся от крестьянства, из которого он вышел.

Начало нового века нанесло зарождающемуся рабочему классу России экономический удар столь же тяжелый, как и неурожай, поразивший крестьян в Центральном сельскохозяйственном районе. В 1899 году после продолжительного периода индустриального развития царскую империю поразила депрессия, от которой она оправлялась около десяти лет. Первый удар пришелся по текстильной промышленности северных и западных губерний. Затем он стремительно переместился к югу, поражая заводы, шахты, нефтяные концессии и порты и вызывая

на своем пути серьезные рабочие волнения. Летом 1903 года на батумских и бакинских нефтепромыслах произошли кровавые столкновения рабочих с полицией. Забастовки в Одессе расширились, превратившись во всеобщую стачку, которая стремительно распространилась по всем центрам тяжелой промышленности Украины. Особый размах она приобрела в Киеве, Харькове, Николаеве и Екатеринославе.

Характерной особенностью волнений в России была гремучая смесь самых разных недовольных социальных элементов, готовая взорваться в любой момент. Например, заводские рабочие были носителями радикальных идей, которых они нахватились в городе, вырвавшись из изолированного, замшелого существования своих родных деревень. Таким же образом важной чертой промышленных стачек на юге было частое появление среди рабочих студентов университета на массовых митингах, уличных демонстрациях и в ходе стычек с властями.

Годы экономического спада совпали с периодом студенческих волнений, которые обрели беспрецедентный в российской истории размах. Многие из студентов чувствовали такую же отчужденность от существующего социального порядка, как и обнищавшие крестьяне и их полупролетарские братья на фабриках. Университетские студенты, как правило, обитали в убогих жилищах, испытывая озлобленность к несправедливостям царского режима. Их отнюдь не воодушевляло неизбежное будущее в виде мелкого винтика в бюрократической машине. Даже те, кто вышел из среды более обеспеченного дворянства, с трудом терпели высокомерие правительственной политики и тупость царских чиновников, которые упрямо отказывались идти хоть на какие-то уступки конституционным принципам. Студенты с глубоким презрением относились к университетскому уставу 1884 года, по которому были распущены их клубы и общества, изгнана либеральная профессура и уничтожена даже видимость автономии университетов и академическая свобода.

В феврале 1899 года студенты Санкт-Петербургского университета, возмущившись предупреждением властей, чтобы они во время ежегодного студенческого празднования вели себя тихо и смиренно, организовали небольшие беспорядки, а конная полиция разогнала их, пустив в ход нагайки. В ответ разъяренные студенты устроили забастовку, отказавшись посещать лекции. Демонстрации в их поддержку прошли и в других университетах европейской части России, на несколько месяцев внеся хаос в нормальную академическую жизнь. Ситуация была равнозначна всеобщей забастовке в системе высшего образования, на что правительство ответило исключением из университетов сотен непокорных студентов, многим из которых пришлось пойти в армию. Один из таких изгнанных по фамилии Карпович дал выход своему возмущению, убив министра образования Н.П. Боголепова, на которого возложил вину за жесткие меры правительства против студентов.

Напомнив всем убийство царя Александра II, совершенное двадцать лет назад группой молодых революционеров из организации «Народная воля», смерть Боголепова тут же неосторожно вызвала воспоминания о террористических актах, направленных против высших сановников государства. В марте 1901 года, через месяц после убийства Боголепова, террорист стрелял в Победоносцева, но промахнулся, следующий год возмущенный студент смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина, а рабочий совершил неудачное покушение на жизнь харьковского губернатора. В мае 1903 года другой рабочий уже не промахнулся, убив уфимского губернатора, приказавшего войскам стрелять по группе вооруженных забастовщиков.

В этом хаосе насилия Россия зависла между двумя мирами – один умирал, а у другого еще не было сил родиться. С озлобленностью крестьян, рабочих и студентов нельзя было справиться мирными способами, поскольку не было законных выходов их растущему раздражению, да и царь не собирался проводить какие-либо реформы сверху. Среди униженных и оскорбленных крепло стремление искать экстремальные решения своих накапливающихся трудностей, особенно после депрессии.

Приметы неизбежных волнений особенно остро чувствовались в провинциях, расположенных на периферии империи, где социальное угнетение усиливалось национальными и религиозными преследованиями. В течение четырех столетий непрерывной экспансии Россия подчинила своему господству финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, грузин, армян, азербайджанцев и много других национальностей. И надо сказать, на рубеже столетий нерусские составляли большинство населения империи. Обитая большей частью в ее пограничных районах, они отчетливо слышали голос национализма, усиливающегося в Центральной Европе. Как ни парадоксально, самые сильные стимулы для развития национального самосознания меньшинств исходили от русского правительства. Находясь под влиянием Победоносцева, чья политическая философия господствовала в течение эры последних Романовых, Александр III и его сын Николай проводили в жизнь программу русификации и пытались заставить непокорных обитателей пограничных земель отказаться от собственных национальных традиций, признав превосходство русской культуры. Предназначенная для того, чтобы как-то сглаживать национальные и социальные проблемы, русификация в многонациональном государстве лишь усиливала эти проблемы. Этнический вопрос играл важную роль во время забастовок на закавказских нефтяных промыслах в 1902 – 1903 годах, а также в 1904 году, когда Николай распространил политику русификации и на лояльную Финляндию, которой конституционные привилегии были дарованы еще в 1809 году. Но именно там сын финского сенатора убил российского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова.

Ни одно национальное или религиозное меньшинство в России не страдало от жестокой политики правительства больше, чем евреи. В начале XX века в империи обитало пять миллионов евреев, главным образом в черте оседлости, которая тянулась вдоль западных границ от Балтийского до Черного моря. Их судьба стала сравнительно легче во время умеренного правления Александра II. Осуществляя свою программу реформ, царь разрешил преуспевающим купцам, умелым ремесленникам, бывшим солдатам и обладателям университетских дипломов жить и работать вне черты оседлости. Но насильственная смерть Александра II в марте 1881 года резко положила конец этому периоду спокойствия и относительного благополучия евреев. Пасха была отмечена волной жестоких погромов, волна которых прокатилась по более чем сотне городов и местечек юго-западных губерний.

Хотя одной лишь демонстрации силы было бы достаточно, чтобы сразу же положить конец погромам, местные власти, как правило, иным образом оценивали насилия и грабежи, а в некоторых случаях и поощряли погромщиков. Когда размах насилия со стороны местного населения достиг предела, правительство издало ряд очень жестких декретов, имевших отношение к самым жизненным аспектам еврейской жизни. «Временные правила» запрещали евреям селиться в сельской местности, даже в пределах черты оседлости. Хотя эти правила относились только к новопоселенцам, многие старожилы были изгнаны из деревень, где они родились, и им пришлось перебираться в города. Запрещалось перебираться из деревни в деревню, шли поиски евреев, которые незаконно пересекли границу черты оседлости, которая как-то сокращалась в размерах.

Министерство просвещения ввело квоты, ограничивающие число еврейских учащихся в средних школах и университетах. В черте оседлости они должны были составлять не более 10 процентов от числа студентов и 5 процентов – вне этой черты, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, где квота не превышала 3 процентов. Еврейские врачи больше не могли практиковать в больницах, а их количество среди военных врачей было сокращено. Разрешение на вступление в профессиональную гильдию должен был давать министр юстиции, и еврейские кандидаты редко получали его. Евреи больше не могли участвовать в работе земств или городских советов. Более того, в 1891 году власти выселили 20 000 еврейских купцов и ремесленников из Москвы, где в 1865 году Александр II разрешил им поселиться, а три года спустя появле-

ние государственной монополии на торговлю алкоголем лишило многих еврейских шинкарей средств к существованию.

Эти давящие правила практически в неизменном виде оставались в силе все время царствования Николая II. Положение евреев становилось все отчаяннее. Загнанные в гетто, подвергаясь религиозным преследованиям, в массе своей лишены высшего образования и профессиональной карьеры, когда сфера их традиционных занятий постоянно подвергалась ограничениям, евреи сталкивались с полным крахом их экономической и социальной структуры. После депрессии 1899 года огромное большинство их было вынуждено жить на грани нищеты. Мелкие предприниматели, типичные для черты оседлости, не имея современного оборудования и дешевых кредитов, все время находились под угрозой разорения из-за растущей конкуренции со стороны крупной промышленности. Ремесленники, навсегда расставшись с взлелеянной мечтой стать независимыми производителями, пополняли ряды фабричных рабочих, а если им окончательно не везло, растущую армию людей без определенных занятий, которые питались «одним лишь воздухом».

Положение дел достигло предела вскоре после того, как в 1902 году Вячеслав Плеве унаследовал у убитого Сипягина Министерство внутренних дел. Бывший начальник тайной полиции, яростный сторонник русификации, Плеве был давним ненавистником евреев и реакционным бюрократом самого худшего пошиба. Именно Плеве в 1904 году заявил, что для сохранения самодержавия необходима «маленькая победоносная война» с японцами. Руководствуясь тем же самым мотивом, он решил направить народное недовольство против евреев. Окредитовав революционное движение «делом еврейских рук», он надеялся утопить революцию в еврейской крови.

Стратегия Плеве воодушевила П.А. Крушевана, издававшего в Кишиневе, столице Бессарабии, антисемитскую газету. Ведя оскорбительную кампанию против евреев, Крушеван обвинял их в революционном заговоре и ритуальных убийствах и призывал христианское население отомстить еврейским эксплуататорам. И на Пасху 1903 года разразился ужасающий кишиневский погром. Два дня полиция сложа руки наблюдала, как толпы хулиганов убивали евреев, сотням из них наносили ранения, грабили их дома и магазины. Многие еврейские семьи лишились и крыш над головой и имущества, все было разграблено, пока наконец не вмешались власти. Через несколько месяцев прошла волна погромов по черте оседлости – Ровно, Киев, Могилев и Гомель.

Именно здесь, на границе между западными и юго-западными провинциями и, главным образом, в еврейских городках и местечках, и зародилось движение русских анархистов. В этих местах экономический упадок сочетался с сильным национальным угнетением, что вызывало мощные чувства нигилизма среди студентов, рабочих и крестьян. И многие из них переходили к решительному радикализму. С самых первых лет реакции во времена правления Александра III интеллигенты, ремесленники и фабричные рабочие в пограничных провинциях начали создавать тайные кружки, в которых занимались в основном самообразованием и радикальной пропагандой.

Большой голод 1891 года способствовал росту таких организаций, они стали стремительно размножаться по всей России, став центрами, вокруг которых сформировались две ведущие социалистические партии – марксистские социал-демократы и неонародники социалисты-революционеры, эсеры, которые оформились к концу столетия. Тем не менее уже весной 1903 года, года погромов, значительное число молодых рабочих и студентов в Белостоке, центре радикального рабочего движения в черте оседлости, уже нашло серьезные недостатки в социалистических партиях. Они расстались с Бундом (организацией еврейских социал-демократов), с социалистами-революционерами и с ПСП (Польской социалистической партией, чьи социалистические убеждения сочетались с мощным стремлением к национальной независимости), обратившись к более экстремальным доктринам анархизма.

Новые рекруты анархизма ушли из социал-демократического Бунда в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимал жесткий запрет актов терроризма; такие действия, доказывали лидеры Бунда, только деморализуют рабочих и приведут к распаду рабочего движения. Отрицая этот запрет на терроризм, небольшие группы молодых бундовцев сформировали радикальную «оппозицию» внутри движения и провозгласили программу «прямых действий» против государственной и частной собственности. Они обзавелись револьверами и динамитом. Они нападали на правительственных чиновников, фабрикантов, полицейских, агентов-provokаторов и производили «экспроприации» в банках, почтовых отделениях, магазинах, заводоуправлениях и частных домах. Эта деятельность вызвала шквал критических упреков со стороны руководства Бунда и заставила многих молодых террористов окончательно расстаться с социал-демократией ради идеи анархизма, который приветствовал любое насилие.

Кроме того, анархисты считали, что среди последователей Маркса было слишком много интеллектуалов, способных в потоке слов утопить любое намерение действовать. В идеологических дебатах и в боях за политическое лидерство они еще до начала схватки с царизмом истощили все свои силы. Летом 1903 года группа свежеепеченных анархистов из Белостока побывала на II съезде социал-демократической партии. Он предстал перед ними как разочаровывающий спектакль, состоявший из организационных свар и теоретических драк с вырыванием волос. Этот съезд закончился расколом марксистского движения на две непримиримые фракции – меньшевиков и большевиков. Как объявили анархисты, идеологическое оружие социал-демократов потеряло «революционный размах» и энергию. Вместо того чтобы вести пустые разговоры, «бешеные» из Белостока потребовали «прямых действий» по уничтожению тиранического государства, которое они считали воплощением зла и источником всех страданий России.

Более того, анархисты были полны решимости сразу же избавиться от государства, хотя последователи Маркса настаивали на обязательности таких этапов, как парламентская демократия и «диктатура пролетариата», которые и должны стать предшественниками бесклассового общества. Это убедило нетерпеливых анархистов в том, что интеллектуалы-социалисты собираются до бесконечности оттягивать наступление рая для рабочих, чтобы полной мерой удовлетворить собственные политические амбиции. По мнению анархистов, социал-демократы, стараясь просветить Россию, слишком полагались на организованные силы квалифицированных рабочих, отрицая значение крестьянских масс и безработных слоев общества.

Анархисты, кроме того, обнаружили столь же серьезные отступления в программах партии эсеров и Польской социалистической партии. Хотя они восхищались эсеровской кампанией террора, направленной против правительственных чиновников, анархисты стремились и к «экономическому террору», чтобы насильственные действия ударили и по эксплуататорам и по владельцам собственности. Кроме того, они возражали против того, чтобы эсеры занимались аграрным вопросом. Они не разделяли ни националистических целей Польской социалистической партии, ни убежденности всех социалистов в необходимости создания какой бы то ни было формы государства.

Короче, анархисты обвиняли все социалистические группы в выжидательной политике по отношению к существующей социальной системе. Старый порядок прогнил, доказывали они; спасения можно добиться, только выкорчевав его с корнями. Постепенность или реформизм любого вида ничего не дадут. Полные немедленного желанья тут же реализовать свою бесклассовую утопию, молодые анархисты с презрением отбрасывали промежуточные исторические этапы, постепенность движения к цели и паллиативы или компромиссы любого сорта. Отойдя от марксистов и эсеров, они в поисках новых источников вдохновения обратились к Бакунину и Кропоткину. Поскольку буревестнику скоро предстояло появиться в России, они были убеждены, что он явится как вестник тысячелетия анархизма.

Молодые анархисты считали саму личность Михаила Александровича Бакунина столь же поразительной, сколь и его убеждения. Выходец из мелкопоместного сельского дворянства, получивший военное образование, Бакунин отказался от своего наследственного дворянства ради карьеры профессионального революционера. В 1840 году в возрасте двадцати шести лет он покинул Россию и посвятил свою жизнь неустанной борьбе против всех форм тирании. Он не только сидел в библиотеках, читал и писал о неизбежности революции, но и страстно включился в события революции 1848 года, став чем-то вроде фигуры Прометея, который после волны восстания в Париже оказывался на баррикадах Австрии и Германии. Арестованный во время Дрезденского восстания 1849 года, он провел следующие восемь лет в тюрьме – шесть из них в самых мрачных казематах царской России, в Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге. Приговор обрекал Бакунина на пожизненное пребывание в сибирской ссылке, но Михаил Александрович совершил побег от своих тюремщиков, в ходе невероятной одиссеи обогнул земной шар, после чего его имя стало легендой, а он сам – объектом поклонения в радикальных группах всей Европы.

Широкая душа Бакунина и его детский энтузиазм, зажигательная преданность свободе и равенству и вулканическая ненависть к привилегиям и несправедливостям – все это неодолимо влекло к нему людей из кругов, преданных идее свободы воли. «Больше всего меня поражало, – писал Петр Кропоткин в своих мемуарах, – что влияние Бакунина зиждилось не на интеллектуальном авторитете, а на моральном воздействии его личности». Как активная сила истории, личность Бакунина пользовалась такой привлекательностью, о которой Маркс мог только мечтать. Среди авантюристов и мучеников революции ему принадлежит уникальное место.

Тем не менее отнюдь не только личный магнетизм Бакунина привлекал сырую молодежь из Белостока от марксизма в лагерь анархистов. Были еще и фундаментальные расхождения в доктринах Бакунина и Маркса, предвестники диспутов, которые поколение спустя кипели в России между анархистами и социал-демократами. Центральным пунктом этих расхождений был характер грядущей революции и формы организации общества, которое возникнет на ее волне. В марксистской философии диалектического материализма приход революции определялся историческими законами; революции были неизбежным следствием созревания экономических сил. Бакунин же считал себя революционером действия, а не «философом и изобретателем систем, как Маркс». Он решительно отказывался признавать существование любых «априорных идей или predeterminedных, предвзятых законов». Бакунин отрицал точку зрения о том, что социальные перемены зависят от постепенного созревания «объективных» исторических условий. В то же время он считал, что человек сам определяет свои цели, что нельзя втискивать человеческую жизнь в прокрустово ложе абстрактных социологических формул. «Никакие готовые к употреблению теории, никакие книги, которые только будут написаны, не спасут мир, – заявлял Бакунин. – Я не признаю никаких систем, я ищу истину». Человечество не готово к терпеливому ожиданию, когда полотну истории придет время развернуться во всю ширь. Внушая свои теории рабочим массам, Маркс преуспел только в одном: он подавил революционный жар, который горел в каждом человеке, – «стремление к свободе, страстное желание равенства, святой инстинкт революции». Не в пример «научному» социализму Маркса его собственный социализм, как признавал сам Бакунин, был «чисто инстинктивный».

В резком контрасте с Марксом, испытывавшим рациональное презрение к более примитивным элементам общества, Бакунин никогда не подвергал сомнению революционные качества слоев общества, не принадлежащих к рабочему классу. Правда, он признавал понятие классовой борьбы, но не такой, которая относилась только к буржуазии и рабочим, поскольку мятежный инстинкт есть общее качество всех угнетенных слоев общества. Бакунин разделял веру народников в скрытые силы насилия русского крестьянства с его давними традициями слепого и безжалостного бунта. Он видел перед собой «всеобщую» революцию, огромное восстание города и деревни, подлинный бунт угнетенных масс, в котором кроме рабочего класса

примут участие и самые последние слои общества: примитивное крестьянство, люмпен-пролетарии городских трущоб, безработные, бродяги и преступники, – словом, все униженные и оскорбленные, живущие в нищете и рабстве.

Концепция Бакунина о всеобщей классовой войне оставляла место для неорганизованных и раздробленных фрагментов общества, к которым Маркс испытывал лишь презрение. Бакунин же отводил основную роль недовольным студентам и интеллектуалам, отчужденным и от существующего социального устройства и в той же мере – от необразованных масс. С точки зрения Маркса, они не составляли класса как такового, не были и органической частью буржуазии; они были просто «отбросами» среднего класса, «компанией деклассированных» – адвокаты без клиентов, врачи без пациентов, мелкие журналисты, безденежные студенты и их идолы, лишенные возможности играть важную роль в историческом процессе классового конфликта.

Для Бакунина же, с другой стороны, интеллектуалы были ценнейшей революционной силой, «яростной и энергичной молодостью, полностью деклассированной, лишенной и карьеры, и другого пути в жизни». В острой борьбе между Бакуниным и Марксом за главенство в европейском революционном движении деклассированные интеллигенты, которыми их видел Бакунин, были обязаны перейти на его сторону, потому что им нечего было терять и у них не было никакой возможности улучшить свое положение, кроме немедленной революции, которая уничтожит существующую общественную систему. Та роль, которую предстояло сыграть интеллектуалам в свержении старого порядка вещей, была критической: они должны были стать той искрой, из которой дремлющая в народе страсть к восстанию разгорится в разрушительный пожар.

Эта философия немедленной революции неизбежно должна была получить распространение, главным образом, в относительно отсталых регионах Европы, в тех странах, которые только ощупью искали путь к современной индустриализации, странах, где надежды деклассированных слоев были слабыми и туманными, где крестьянство жило в нищете и где рабочие в массе своей были неквалифицированными и неорганизованными. В таких условиях нищее и неграмотное население вряд ли поняло бы «постепенность» или сложные теоретические построения марксизма.

И если Маркс предвидел, что революции зрелого пролетариата разразятся в самых развитых промышленных странах, Бакунин настаивал, что революционные импульсы будут куда сильнее там, где людям в самом деле нечего терять, кроме своих цепей.

Это означало, что всеобщее восстание, скорее всего, начнется на юге Европы, а не в такой дисциплинированной и развитой стране, как Германия. Соответственно в острой борьбе за главенство в I Интернационале сторонникам Бакунина удалось создать мощные отделения в Италии и Испании, странах, где марксизму никогда не удавалось завоевать надежные позиции.

Хотя Бакунин отводил интеллектуалам столь важную роль в грядущей революции, он в то же время предупреждал их против попыток преувеличить свое политическое влияние, как поступили якобинцы или преданный их последователь Август Бланки. На этом пункте Бакунин особо настаивал. Сама идея того, что небольшая группа заговорщиков может совершить переворот ради блага народа, была для него смехотворной, и он насмешливо считал ее «полной ересью, направленной против здравого смысла и исторического опыта». Эти жесткие слова были направлены как против Маркса, так и против Бланки. Потому что и для Маркса и для Бакунина конечная цель революции заключалась в создании бесклассового общества людей, свободных от угнетения, нового мира, в котором свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

Но там, где Маркс предвидел диктатуру пролетариата, которая уничтожит последние остатки буржуазного строя, Бакунин вообще склонялся к уничтожению государства как такового. По его мнению, кардинальная ошибка всех революционеров прошлого заключалась в

том, что они всего лишь заменяли одно государство другим. То есть подлинная революция не стремится захватить политическую власть; она должна быть *социальной* революцией, при которой весь мир освобождается от пут государства.

Бакунин считал, что так называемая диктатура пролетариата унаследует авторитарность. Такое государство, настаивал он, пусть и народное по форме, всегда будет служить орудием угнетения и эксплуатации. Он предсказывал неизбежное появление нового «привилегированного меньшинства» из ученых и специалистов, чьи выдающиеся знания позволят им использовать государство как инструмент управления необразованными тружениками, занятыми ручным трудом на полях и в цехах. Граждане нового народного государства будут грубо разбужены от иллюзий самообмана, дабы убедиться, что они стали «рабами, игрушками, жертвами новой группы амбициозных людей». Единственный способ, которым обыкновенные люди могут избежать подобной печальной судьбы, – это самим совершить революцию, полную и всеобщую, безжалостную и хаотичную, стихийную и неограниченную.

«Необходимо в принципе и на практике полностью избежать того, что может быть названо политической властью, – сделал вывод Бакунин, – потому что, пока существует политическая власть, всегда будут правители и те, кем управляют, хозяева и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые». И тем не менее, несмотря на все свои яростные нападки на «революционную олигархию», Бакунин решил создать свое собственное «секретное общество» заговорщиков, члены которого будут обязаны соблюдать «строжайшую дисциплину» и подчиняться небольшому революционному директорату. Более того – эта тайная организация сохранится и после победы революции, чтобы предотвратить появление любой «официальной диктатуры». Самые известные последователи Бакунина, и первым делом Кропоткин, сочли это странное и противоречивое требование революционной стратегии своего ментора совершенно неприемлемым и, как будет видно, поторопились избавиться от него.

В рамках теоретических построений Бакунина народному восстанию, которое сотрет с лица земли вообще все правительства, не хватало конструктивной стороны. И действительно, самые известные предложения, выходявшие из-под его пера, провозглашали, что «стремление к разрушению в то же время является и созидательным стремлением». Но конструктивная сторона носила подчеркнуто туманный характер. Сразу же после уничтожения государства его предстояло заменить «организацией производительных сил и экономических служб».

Средства производства надо было не национализировать, как мечтал Маркс, а передать их в распоряжение свободной федерации ассоциаций независимых производителей, организованной на всемирной основе «сверху донизу». Предполагалось, что в новом обществе все, кроме пожилых и немощных, будут заниматься физическим трудом и каждому будет воздаться в соответствии с его вкладом.

И дальше этой совершенно туманной картины Бакунин не рисковал продвигаться. С презрением относясь ко всем рациональным размышлениям, он отказывался набрасывать детальный чертеж будущего, предпочитая считать, что, как только творческая сила масс освободится от бремени частной собственности и государства, она и займется этой проблемой.

По своей глубинной сути бакунинская философия анархизма представляла собой яростный протест против форм централизованной власти, политической и экономической. Бакунин был не только врагом капитализма, как Маркс, но и непримиримым противником любой концентрации промышленной мощи, не важно, в частных руках или в общественных. Имея глубокие корни во французском утопическом социализме и в традициях русского народничества, доктрины бакунинского анархизма отвергали крупную промышленность, как искусственное образование, не признающее добровольности и разъедающее подлинные человеческие ценности. С помощью творческого духа обыкновенных мужчин и женщин, призванных к действию критически мыслящими личностями, отсталые страны Восточной и Южной Европы смогут избежать «судьбы капитализма».

Эти страны отнюдь не были обречены на страдания под игом эксплуатации каких-то центральных властей, а их обитатели рисковали превратиться в армию дегуманизированных роботов. Такое либерторианское общество будущего, свободная федерация рабочих кооперативов и сельскохозяйственных коммун (лишенных древней патриархальной властности) может обеспечить полную переоценку социальных ценностей и восстановление человечества. Для Маркса, чья идеология куда лучше соответствовала характеру индустриализации, чем доиндустриального общества, эти анархистские представления были романтическими, ненаучными, утопическими и к тому же уводящими в сторону от кардинального пути современной истории. Тем не менее, с точки зрения Бакунина, Маркс, может, и знал, как создавать умозрительные системы, но у него отсутствовал живительный инстинкт свободы человека. Как немец и как еврей, Маркс был «авторитарен с головы до ног».

Петр Кропоткин, выдающийся последователь Бакунина, был, как и его предшественник, выходцем из среды сельского дворянства, но его родовое гнездо было куда более знаменитым, чем то поместье в Тверской губернии, где провел детство Бакунин. Предки Кропоткина отпрыски великих князей смоленских в средневековой Руси, выходцы из боковой ветви клана Рюриковичей, правивших в Московии до появления Романовых. Получив образование в элитарном Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге, Кропоткин преданно служил камер-пажом при дворе императора Александра II, а после – в Сибири армейским офицером, приписанным к формированию амурских казаков.

Как и Бакунин до него, Кропоткин отказался от своего аристократического происхождения ради жизни, большую часть которой провел в тюрьмах и ссылках. Он тоже вынужден был бежать из царской России при весьма драматических обстоятельствах. В 1876 году – год смерти Бакунина – он сбежал из тюремной больницы, расположенной недалеко от столицы, и через Финляндию попал на Запад, где и оставался до своих семидесяти пяти лет, пока Февральская революция не дала ему возможность вернуться на родину.

Хотя Кропоткин соглашался с некоторыми принципиальными положениями символа веры Бакунина, с того момента, как подхватил факел анархизма, в его руках он горел более спокойным и ровным пламенем. Характер Кропоткина был на редкость мягким и доброжелательным. У него полностью отсутствовал бурный темперамент Бакунина. Он не обладал титаническим стремлением к разрушению и непреодолимым желанием доминировать. Не было у него ни антисемитских настроений Бакунина, ни той неуравновешенности, что проскальзывала порой в словах и поступках Бакунина. Со своими светскими манерами, обладающий высокими личностными качествами и интеллектом, Кропоткин был само воплощение рассудительности. Его научное образование и оптимистический взгляд на мир обеспечили теорию анархизма тем конструктивным аспектом, который резко контрастировал с духом слепого отрицания, пронизывавшего работы Бакунина.

Тем не менее, несмотря на все свои качества праведника, Кропоткин ни в коем случае не отрицал применения насилия. Он допускал покушение на тиранов, если убийца руководствовался благородными мотивами, хотя его приятие кровопролития в таких случаях объяснялось скорее состраданием к угнетенным, чем личной ненавистью к правящим деспотам. Кропоткин считал, что акты террора относятся к тем очень немногим средствам сопротивления, доступным угнетенным массам; они были полезны, как «пропаганда действием», дополняющая ту устную и письменную пропаганду, которой предстояло разбудить мятежные инстинкты народа.

Кропоткин ни в коем случае не уклонялся от признания революции, ибо не допускал, что правящие классы без борьбы откажутся от своих привилегий и собственности. Как и Бакунин, он рассчитывал на всеобщее восстание, которое раз и навсегда уничтожит и капитализм, и государство как таковое. Тем не менее он серьезно надеялся, что мятеж будет сравнительно мягким, «с минимальным количеством жертв, с минимумом озлобления». Революцию Кро-

поткин видел быстрой и гуманной – не в пример демоническим видениям Бакунина пожаров и разрушений¹.

И снова по контрасту с Бакуниным Кропоткин осуждал использование при подготовке революции путчистских методов. Как член кружка Чайковского в Санкт-Петербурге начала 1870-х годов, Кропоткин резко критически относился к темным интригам, окружавшим фигуру Сергея Нечаева, юного фанатичного поклонника Бакунина, чье маниакальное пристрастие к тайным организациям в значительной степени превышало таковое даже у его учителя. Кружок Чайковского все свои усилия направлял на распространение пропаганды среди заводских рабочих и осудил Нечаева, по словам Кропоткина, за «использование способов прежних заговорщиков, не останавливаясь даже перед обманом, когда он хотел заставить своих соратников следовать по его стопам».

Кропоткин мало смысла видел в тайных организациях «профессиональных революционеров» с их секретными планами, комитетами руководителей и железной дисциплиной. Главной же задачей интеллектуалов было распространение пропаганды среди простого народа, что должно было ускорить восстание. Но все подобные закрытые группы заговорщиков, отделенные от народа, несли в себе злокозненный микроб авторитаризма. С не меньшей чем у Бакунина страстью Кропоткин настаивал, что революция должна стать не «простой сменой правителей», а «социальной» революцией – не захватом политической власти небольшой группой якобинцев или бланкистов, а «коллективной работой масс».

И хотя Кропоткин никогда не критиковал напрямую секретные общества революционеров своего учителя, тем не менее было совершенно ясно, что его отрицание любой возможной диктатуры включает и «невидимую» диктатуру Бакунина.

Неколебимая решительность Кропоткина защищать спонтанный характер революции, при котором все будут равны, нашла отражение в его концепции нового общества, что возникнет на руинах старого. Хотя он и принимал воззрения Бакунина на автономные ассоциации производителей, свободно объединенных в федерации, тем не менее он расходился с Бакуниным в одном фундаментальном пункте. По бакунинскому «анархистскому коллективизму» каждый член отдельного рабочего коллектива обязан заниматься физическим трудом и получать заработную плату в зависимости от своего «прямого вклада в общий труд».

Иными словами, критерием вклада, так же как и при диктатуре пролетариата Маркса, был скорее процесс, чем действительная потребность. Кропоткин же, с другой стороны, рассматривал любую систему вознаграждения, основанную на личных способностях к производству, просто как иную форму подневольного наемного труда. Коллективистская экономика, которой необходимо было определять разницу между самоотверженным трудом и трудом спуща рукава, между тем, что такое «мое» и что такое «твое», ничего общего с идеалами чистого анархизма не имела. Кроме того, коллективизм все же нуждался в какой-то власти в пределах рабочей ассоциации, чтобы определять индивидуальный вклад и контролировать соответствующее распределение материальных благ и услуг.

То есть, как и конспиративные организации, которых избегал Кропоткин, коллективистский порядок тоже содержал в себе зародыши неравенства и чьего-то господства. Невозможно оценивать вклад каждого отдельного человека в общее богатство, заявил Кропоткин в «Борьбе за хлеб», ибо сегодняшнее преуспевание создавали миллионы и миллионы людей. Каждый клочок земли полит потом поколений и за каждую версту железной дороги было уплачено человеческой кровью. «Каждое открытие, каждый шаг вперед, каждое умножение суммы человеческих богатств обязаны своим существованием тяжелому труду в прошлом и в настоящем, –

¹ Бакунин тоже, случалось, высказывал пожелания, чтобы революция потребовала минимального количества жертв, но добавлял зловещее примечание, что не стоит особенно удивляться, если народ перебьет большинство своих угнетателей.

продолжал Кропоткин. – По какому праву кто-то может присвоить себе хоть кусочек этого необъятного целого и заявить – это мое, а не твое?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.